

«Постправда vs информация для всех: этические дилеммы современного цифрового общества»

Тезисы к докладу

В 2016 г. «постправда» стала словом года. Согласно Оксфордскому словарю, постправда – это *«обстоятельства, при которых объективные факты имеют меньшее влияние на общественное мнение, чем апелляции к эмоциям и личным убеждениям»*.

Несмотря на оттенок новизны в слове «постправда», как явление, она, по сути, существовала и на более ранних этапах человеческой истории. Взять хотя бы передергивающие факты и глубоко эмоциональные политические памфлеты XVIII-XIX веков. Или же жаркие идеологические баталии времен холодной войны с их черно-белой картиной мира и эмоционально окрашенными восприятиями всех событий через призму «хороший парней, противостоящих плохим парням». Все это ничто иное, как более ранние версии пресловутой «постправды».

Значимую разницу привнесли современные информационно-коммуникационные технологии. Развитие последних привело к настоящему парадоксу. Первоначально, появление интернета привело к созданию предпосылок для зарождения общества знания, функционирующего на основе принципа «информации для всех». Однако переизбыток противоречивой информации, поступающей по различным интернет-каналам – т.н. «информационное переизбытие» - привел к возникновению массового запроса на упрощенную картину мира, что впоследствии привело к формированию культуры визуальных символов в интернете и интернет-мемов.

Формально грамотные наши современники по факту разучились читать. Им сложно прочесть что-либо по объему превышающее абзац, особенно если объект прочтения требует еще и задействования критического мышления, а также понимания контекста. То, что современный человек потребляет по разряду «информации», представляет собой смесь заголовков (все более имеющих тенденцию превращаться в «кликбейты»), мемов, на уровне кодов/символов транслирующих чьи-то представления о жизни (иногда весьма своеобразные) и эмоционально окрашенных картинок/фотографий, о происхождении и подлинности которых никто особо и не задумывается. В итоге, интернет, который изначально задумывался как неограниченный информационный ресурс для умных и грамотных, превращается в ристалище для «современных троглодитов», коммуницирующих на уровне племенных верований, горячих первобытных эмоций и картинок, не слишком далеко ушедших от тех, что во времена каменного века в изобилии украшали поверхности скал и стены пещер.

На уровне технологий появление социальных сетей еще более усложнило и запутало ситуацию. С одной стороны, были созданы удобные платформы для моментального выражения и тиражирования мнений, что способствовало распространению знания и информации для всех. С другой стороны, сам алгоритм работы социальных сетей, особенно Фейсбука, предполагает так называемые «пузыри фильтров» (“filter bubbles”), т.е. когда

новостная лента формируется на основе ранее выраженных предпочтений и предыдущих действий (оставленных «цифровых следов» в виде лайков, репостов, и т.д.). Другими словами, если кто-то уже выражал свои предрассудки через социальную сеть, то сеть начинает посылать обширный набор материалов, разделяющих эти предрассудки, тем самым лишняя раз заверяя некоего условного мракобеса в своей правоте.

В строгом смысле слова, больше не существует «информации для всех». И совсем не потому, что отныне она стала недоступной. Скорее, на нее просто пропал ярко выраженный спрос. Вместо широты взглядов и «общества знания», людям теперь вполне достаточно просто дополнительного подтверждения своих узко партийных, а то и вовсе сектантских позиций. И социальная сеть охотно им в этом приходит на помощь. Сегодня в интернете каждый видит только то, что он хочет видеть. «Пузырь фильтров» формирует вокруг каждого свои личные пузыри иллюзий, плотно обволакивающие индивида и создающие вокруг него искаженную картину реальности. Целостность гражданского общества под угрозой, поскольку есть тенденция к распадению его на мириады сект, каждая из которых оперирует своей эмоционально подогретой «постправдой», все более подходящей на боевой клич.

Технологии и этика находятся в явном конфликте. Технологии и идущая у нее по пятам цифровая экономика изначально не имели никаких дурных намерений. Чудаковатые изобретатели реализуют свои высокотехнологичные мечты, а бизнес просто зарабатывает деньги, увидев открывшееся «окно возможностей» в связи с появлением той или иной технологии. Однако каковы бы ни были прекрасные намерения визионеров-изобретателей и инвесторов в стартапы, сейчас общество балансирует у опасной черты, при пересечении которой есть риск сползания к массовому насилию и войне всех против всех.

Убедительный пример этому уличное насилие в США в 2016-17 гг. Вообще-то, для Соединенных Штатов уличное насилие – это не новость. Но если ранее городские бунты в Америке были уделом наиболее маргинализованной и необразованной части населения, то год назад в массовых уличных кулачных боях были замечены «прогрессивно мыслящие» студенты и даже профессора из лучших американских университетов. Было разбито немало носов и получено легких ранений. Мобилизованные через социальные сети и воодушевленные своей собственной «постправдой», обитатели американских университетов, видимо, решили, что крепкий удар кулака доносит до оппонента свою позицию куда лучше, чем скучная академическая дискуссия по поводу сухих фактов и их научной интерпретации. Поэтому постправда, подкреплённая технологиями, не такая уж и невинная шалость. И это только начало.

Кто-то может сказать, что мы находимся внутри системы и мало что с этой системой можем сделать. Это именно система развивает технологии и задает форматы. Что касается последних, включая социальные сети и обусловленный ими дискурс про «постправду», то мы или принимаем эти форматы, или рискуем оказаться в положении социального изгоя, у которого не будет не только друзей, но, возможно, и работы. Все мы становимся частью системы с ограниченной, похожей, возможностью как-то на эту систему повлиять.

В этой связи можно провести параллель с реакцией военных преступников, осужденных за свои преступления по итогам Второй мировой войны. Многие из них

Малкарова Светлана Магометовна
кандидат социологических наук,
проректор
Государственного Университета Управления

отказывались признать себя виновными на том основании, что, с их точки зрения, виноваты не они лично, а система, частью которой они вынуждены были быть. Может быть, кто-то найдет данное сравнение несколько рискованным, но ведь под определенным углом зрения газовые камеры были тоже «технологией», а обслуживающие их люди – операторами, нажимавшими на кнопки.

Пока ситуация не перешла опасную черту, нужно вовремя определить правила игры и сформировать определенные рамки – как правового, так и этического характера – для заживших своей жизнью информационных и коммуникационных технологий. Речь не идет о запретах или о создании файрвола. Это было бы слишком примитивно, да, к тому же, еще и контрпродуктивно. С юридической точки зрения, в качестве первого шага, было бы полезно дать правовое определение «постправде» и ее возможным импликациям. С точки зрения этики, за отправную точку можно взять то, что происходит в сфере контроля над ядерными вооружениями. Это очередная смелая параллель. Однако по ядерному оружию существует широкий консенсус между военными, экспертами и гражданским обществом, что оно является лишь средством сдерживания, и его реальное применение немислимо ни с этической, ни с практической точки зрения. Именно поэтому ядерное оружие как технология плотно связано целой системой строго соблюдаемых договоров и процедур верификации. Было бы неплохо, если подобного рода рамки – правовые и этические – были бы своевременно наложены на всякого рода цифровые «постправды», пока их носители не принялись лишать друг друга жизни всем, что под руку попадет, в стиле известного племенного конфликта в Руанде в 1990-х. В наши дни возвращение к старому доброму обществу знания уже выглядело бы вполне надежным убежищем.